

Научный руководитель – Пономарева Анастасия Михайловна

Мкртчян Сюзанна Арменовна

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет мировой политики, Москва, Россия

E-mail: mkrtchyan-syuzan@mail.ru

Прошедшее столетие было названо Международной ассоциацией исследователей геноцида (*International Association of Genocide Scholars*) «веком геноцида». Многие эксперты утверждают, что первым геноцидом XX в. стали осуществленные в 1915 г. под руководством лидеров младотурков массовые убийства и депортации армян на подконтрольных Османской империи территориях. Тем не менее, такого рода трактовка трагических событий тех лет не является единственно возможной, и до сих пор острая реакция Анкары на процесс международного признания геноцида армян остается одной из главных причин сложных отношений между Турцией и Арменией.

По прошествии времени мы не можем с точностью восстановить картину случившегося, но нам доступен анализ общественно-политического дискурса геноцида 1915 г., сложившегося в современной Армении. Руководствуясь известной «теоремой Томаса»: если ситуация мыслится как реальная, то она реальна по своим последствиям - мы полагаем целесообразным рассмотреть этот драматический эпизод армянской истории сквозь призму сложившейся в социологии теории культурной травмы. Такого рода подход позволит нам избежать избыточного углубления в историческую рефлексии и прийти к выводам, представляющим интерес для современной политологии.

Для понимания новизны и эвристичности теории культурной травмы как аналитического инструмента, потенциал применения которого в области изучения международных отношений все еще недооценивается, кратко обрисуем основные положения данной концепции.

Основой исследовательского подхода ученых, задавших направление развития современной западной социологической теории травмы - П. Штомпка, Дж. Александер, Р. Айерман и Н. Смелзер - стало проведение четкого разграничения между объективным событием-первопричиной и травмой как фактом коллективного восприятия. Цитируя Н. Смелзера (2004, с. 32), подчеркнем, что культурная травма «создается, а не рождается» [5].

П. Штомпка выделяет три уровня проявления культурной травмы: индивидуальной биографии, коллективный, а также исторический [2]. Исторические травмы затрагивают целые государства, а наиболее крупные из них, такие как мировые войны, отражаются на всем человечестве. В данном контексте геноцид армян следует рассматривать в качестве культурной травмы исторического масштаба.

С точки зрения Дж. Александера зафиксировать наличие культурной травмы можно, когда некое сообщество на протяжении жизни многих поколений поддерживает идею о том, что в определенный момент его развития произошло событие крайне драматичное и коренным образом изменившее его идентичность [1]. Травмирующий характер, по мнению американского ученого, носит не само событие, а то свойство, которое приписывается ему обществом. В качестве примера подобного «производства смысла» он приводит формирование в массовой культуре образа Холокоста как «абсолютного зла» [3].

Переживание культурной травмы представляет собой социальный процесс, в ходе которого определяются: природа произошедшего события; пострадавшая от него группа и ответственные за случившееся. Для исследователя в этих условиях одним из наиболее важных вопросов является определение того, установлена ли связь «жертв» с остальным обществом, разделяет ли оно их ценности и чувствует ли свою сопричастность боли пострадавшей группы. Осмысление и репрезентация травмы приводят к трансформация коллективной идентичности.

Со временем, концентрация на травме ослабевает, однако, хотя волнения вокруг событий угасают, «эхо» прошлого все еще способно оказывать серьезное влияние на объединенное общей болью сообщество. Новые, ставшие результатом травматизации, ценности могут закрепляться в объектах культуры: памятниках, литературе, кинематографе и др., а также в ритуалах, например, днях траура или национальных праздниках.

Адаптация к изменениям, вызванным культурной травмой, включает в себя несколько этапов. От первичного шока, через осмысление и переоценку ценностей общество приходит к образованию новых смыслов. Как отмечает П. Штомпка (2005, с. 477) : «если травматический процесс начинался с того, что разбилась прежняя культура, то заканчивается он консолидацией культуры» [2].

Применительно к событиям 1915 г. мы можем констатировать, что культурная травма геноцида стала стимулом консолидации армян, даже в условиях, когда большая часть этноса была вынуждена покинуть страну. На данный момент численность армянской диаспоры, разбросанной по всему миру, в три раза превышает население самой Армении [4].

Наличие в истории народа такой трагедии как геноцид, порождает идею исторической несправедливости, которая закрепляется в культуре, и обуславливает противопоставление общности остальному миру. При этом в силу своей исключительной трагичности геноцид затмевает иные ключевые моменты армянской истории и становится стержнем этно-национальной идентичности.

На примере геноцида армян можно увидеть, каким мощным потенциалом по конструированию групповой идентичности обладает культурная травма. Культурная травма способна не только изменить общество, но и стать лейтмотивом его истории, опосредующим восприятие коллективом предыдущих и последующих событий.

Переживание травмы приводит к формированию новых стандартов, во многих случаях на международном уровне. Появляются прецеденты юридической ответственности, и новые моральные требования, представления о недопустимом в политике. Благодаря этому, травма может приобрести позитивный потенциал, если на основе ее переживания и осмысления произойдет объединение общества с опорой на новые ценности.

Преобразования, происходящие в обществе в ходе травматического процесса, могут быть крайне болезненны, но они необходимы для того, чтобы в будущем избежать повторения прошлых ошибок.

Источники и литература

- 1) Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность. Социологический журнал. 2012. № 3 Стр. 6.
- 2) Штомпка П. Социология. Анализ современного общества: Пер. с польск. СМ. Червонной. — М.: Логос, 2005. — 664 с. Стр. 477.
- 3) Alexander J.C. On the social construction of moral universalism: The "Holocaust" from war crime to trauma drama // European j. of social theory. –SAGE, 2001 – Vol. 5(1) – P. 5–85

- 4) 1915–2015. Armenian Genocide Centennial. <http://armeniangenocide100.org/en/news-en/2015/04/24/>
- 5) Smelser N.J. Psychological trauma and cultural trauma // Cultural trauma and collective identity / Alexander J. C., Eyerman R., Giesen B., Smelser N. J., Sztopka P.– Berkeley: University of California Press, 2004. P. 32.